

ФИЛОСОФИЯ

УДК 1:316

ИДЕЯ «ДРУГОГО» В РИСКОГЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

А. А. Алебастрова

Алебастрова Алла Анатольевна – соискатель,
Саратовский государственный университет
E-mail: alebastrova_70@mail.ru

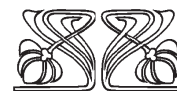
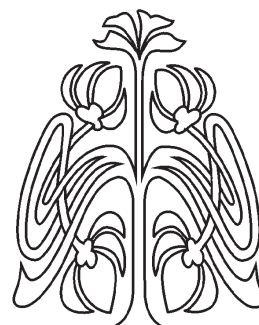
Статья посвящена рассмотрению проблемы «Другого» в преломлении социально-философского взгляда на место и роль человека в условиях развития техногенной цивилизации, создающей условия превращения человеческого общества в «общество рисков». Автор, отмечая важность рассмотрения роли «Другого» в «обществе рисков», обращается к анализу современных философских концепций. Раскрывая проблему сохранения человеческой идентичности в условиях нарастания агрессивной экспансии техники, автор приходит к выводу, что лишь построение модели «Другого», позволяющей взглянуть на себя глазами «Другого», является для человечества единственной возможностью сохранить в себе человека в условиях формирующегося рискогенного общества времени постмодерна.

Ключевые слова: «Другой», «техногенная цивилизация», «общество рисков», идентичность, постмодерн, «смысл жизни», «бунтующий человек», рискогенное общество.

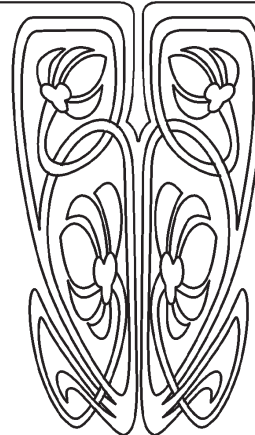
Признавая интенсивность темпов роста материального благополучия в конце XX – начале XXI в., общество непросто и долго, с нескрываемым чувством снисходительной иронии воспринимало важность познания человека себя как субъекта, вступающего в «техногенную стадию эволюции социума», или «техногенную цивилизацию» [1]. Современная философия наделяет человека свойствами сверхсложной формы бытия в силу его предметной парадоксальности, позволяющей рассматривать его как объект и как субъект, детерминирующий свое существование. В предельном выражении эта мысль присутствует в работах М. М. Бахтина, утверждавшего, что субъект не может восприниматься, изучаться и познаваться как вещь, поскольку, оставаясь субъектом, познание его может быть лишь диалогическим [2].

В трагическом сценарии, пророчащем гибель человечества, человек продолжает оставаться тайной. Феномен человека заключается и в амбивалентном состоянии – откровение для одного уровня бытия становится сокровенным таинством для другого. Признавая двойственность любого феномена, существующего в мире, мы получаем возможность представлять его как конкретное существо – как вещь или тело, как движение тела и как некий смысл, как представление иной вещи, иных тел или как систему действий человека [3].

Так что же сегодня заставляет нас обратиться к проблеме «Другого» – в эру признания массового порождения технического, когда человек становится неотъемлемым элементом им же самим созданной техногенной среды, в которой технические средства пронизывают всю человеческую жизнедеятельность: от производственных процессов до межличностного общения? Почему именно диалогичность, отражающая интернированную

**НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ**

форму общения «Я» с «Другим» раскрывается наиболее остро в новом столетии?

Целостность технической деятельности общества, реализуемая в искусственно созданном мире, воспринимаемом как единственно допустимая среда существования человечества техногенной эры, постепенно выходит из-под контроля своего творца, демонстрируя недостаточную степень управляемости. За последние десятилетия человечество воочию столкнулось с незапланированными и нежеланными изменениями, носящими техногенный и социальный характер. Однако ощущение контроля над протекающими процессами всего лишь иллюзия. Постклассические философские концепции весьма успешно развенчивают эту иллюзию «ручного управления обществом», демонстрируя отсутствие какого-либо контроля со стороны человека за процессами, происходящими в нем, современное общество, напротив, в большей степени показывает усиление зависимости человека от множества факторов, возникающих в обществе вне его воли и сознания.

Возможный сценарий гибели человечества под воздействием техногенной катастрофы, учитывая современный уровень развития техники и технологий, выглядит вполне реалистично. Признавая зависимость человека от техногенных факторов, невозможность от них освободиться в обществе, вне философского осмысления сегодня оказывается проблема детерминации человека в условиях непрерывно изменяющейся среды. В этом смысле мировой экономический кризис выступает универсальным общественным индикатором, проявляющим реальные параметры развития, демонстрируя преждевременность декларирования факта наступления «техногенной цивилизации», или «общества техногенного типа».

Трагичность современного мирового экономического кризиса может быть раскрыта посредством метафоры «цивилизационный маятник». Используя греческую интерпретацию данного термина (поворотная точка, исход), можно утверждать, что кризис есть лишь фиксированная точка максимального движения мирового маятника. Достигнув этой точки, или кризисной амплитуды, маятник изменяет вектор движения на противоположный. Единственным механизмом, обеспечивающим мировое равновесие в ситуации кризиса, выступают традиции, которые подобно иммунной системе предупреждают или смягчают возникающие катастрофы.

Неуловимость и дискретность будущего человечества допускают ситуацию появления еще не известных ему антагонистических противоречий, требующих сохранения «классических пережитков», к числу которых следует отнести необходимость формулирования нового взгляда

на научные концепты прошлых столетий, раскрывающие сущность человека и мира, в котором он существует. Объединив Старый Свет, глобализация унифицировала и упростила доступность пространства – территориального, информационного, культурного. С одной стороны, выступая как результат экспансии техногенной цивилизации, внедряющейся в различные регионы мира, процесс глобализации, воздействуя на общество, изменяет его. Одновременно глобальный мир рассматривается как живая противоречивая система, в которой сосуществуют позитивные моменты, вписывающиеся в мозаику научного прогресса, и неожиданные вызовы-риски, приводящие к системным геополитическим конфликтам, порождающим новую серию проблем, проявляющихся в международном праве, экономике, политике, культуре.

Для понимания истинного смысла процессов, протекающих в мире в условиях глобализации, сегодня нередко используется термин «глокализация», обозначающий процесс объединения глобального и локального. Динамика развития глобализации и угроза возникновения геополитических рисков, грозящих гибелью всему человечеству, формирует необходимость обращения к «Другому», многослойность понимания которого позволяет рассматривать его как жизненно важную составляющую современного «техногенного общества», или «общества риска».

Значительный вклад в поиске выхода из сложившейся ситуации принадлежит В. Б. Устьянцеву, который сформулировал собственный взгляд на особенности системных рисков общества и их влияние на жизненный мир человека [4]. Намечившаяся философская концептуализация рисков, по мнению В. Б. Устьянцева, позволяет выводить их из конкретных практик, превращая в самостоятельный объект философского анализа. Данная позиция приводит к раскрытию возможностей применения феноменологического, ценностного, институционального подходов для осмысления сущности основания рисков, трансформирующих их в «общество рисков» как особую организацию общественной жизни.

Вышесказанное дает основание зафиксировать различия в появлении и существовании системных рисков, рассматриваемых как феномены системного мира, они создают условия для возможности превращения рисков в особый тип общества – концепт-метафору «общество риска». В ситуации, когда в обществе нарастает высокий уровень сложностей, наблюдаются изменения институциональных отношений, деформируются поведенческие стандарты, концепт-метафора «общество риска» уступает место концепту «рискогенное общество», позволяющему наиболее точно выразить социальную реальность.

Концепт «рискогенное общество» отражает природу рисков как состояние конкретных обществ, не претендуя при этом на конструирование и проектирование автономного «общества риска». Формируясь в ценностном сознании, исходные методологические установки концепта «рискогенное общество» предполагают постижение смысла и структуры процессов, протекающих в обществе в их связи с человеком и его деятельностью.

В противоположность «рискогенному обществу» «техногенное общество», или «техногенная цивилизация» лишь фиксирует сумму используемых технологий, перерастающих в техносферу, или суперсистему, оказывающую влияние на формирование как человеческого общества, так и других технических систем. Технический, или искусственный мир, создаваемый человеком, начинает выстраивать новую жизненную парадигму, которую человек не в состоянии контролировать, и она развивается независимо от воли и сознания своего творца.

Человек подобно гомеровскому Одиссею оказывается между современным системным контролем и животным страхом, между техническим сомообожествлением и системными самоограничениями, между техническим могуществом и бессмысленностью бытия [5]. В любом случае сегодня ни у кого не вызывает неприятия утверждение, согласно которому становление технологических систем на рубеже XX–XXI столетий наиболее остро проявляется в появлении принципиально новых типов процессов и объектов, представляющих сложную саморазвивающуюся макросистему, в которой одним из главных компонентов становится «человекоразмерная система», где определяющую роль играет человек.

К числу универсальных для понимания процессов, протекающих в современном мире, концептов следует отнести модель «Другого», за которой скрывается плюрализм культур и единство человеческого мира. В XXI в. человек утрачивает античное понимание себя как меры всех вещей: для реальных – их реальности, для нереальных – их нереальности. Становясь «мерой всех рисков», человек сам выступает источником риска, оказываясь не в состоянии контролировать все происходящее вокруг себя, используя лишь только Разум. Тем самым он попадает в ситуацию вынужденного ограничения способности осознавать свой жизненный опыт, лишаясь необходимого языка понимания себя самого.

Данное предположение подтверждается настойчивым поиском человечеством механизма самоидентификации посредством установления в межличностных отношениях идентичности с

«Другим». Однако ирония постмодерна предполагает сохранение и удержание идентичности только в превращениях, метаморфозах индивидуального «Я». В противном случае велика вероятность наступления «давления идентичности всеобщего», или принуждения идентичного к согласию, согласованию. Трагичность этого разлома ощущается наиболее остро в эпоху постмодерна.

Современная западная цивилизация, обнаруживая проявление идентичности, раскрывающейся через развитие индивидов и раскрытие ими своей самости, даже признавая дифференцирование человеческой самости, не вносит облегчения в общение между людьми. Причина дифференцирования самости в большей степени объясняется усиливающимися процессами разделения труда и социальной стратификацией, чем внутренней динамикой развития искренности и душевности индивидов. Непредсказуемость и неопределенность окружающего человека внешнего мира, отягощенные перманентным состоянием рисков, внутренних сомнений, страхом неизвестности, толкают его в ситуацию, где он оказывается единственным в своем роде, где традиционные образцы действий и поведения больше не используются в разрешении ситуаций, порождая новые действия, разрушающие традиционные представления.

Человек эпохи постмодерна обнаруживает в ней не только лозунг П. Фейерабенда «Всё допустимо!» с его раскрепощающим потенциалом методологического анархизма, но и вечные неразрешимые вопросы, обращенные к пониманию смысла жизни. Раскрываясь через значение «чего-либо для меня», «смысл» как философское понятие в XXI в. выступает обозначением чувства ценности для «Я», осознаваемого в диалоге с «Другим». Появившись в Новое время в значении «способность понимать жизнь», или получение «прока от жизни», «смысл жизни» уже тогда стал теоретически осмысляться.

Уникальность построения «диалога с Другим» в условиях техногенной среды, где все аспекты человеческой жизни оказываются во власти техники, раскрывает возможность увидеть себя «глазами Другого», позволяя оценивать и видоизменять свой собственный опыт. В этой связи размышления М. М. Бахтина о диалогизме близки современному пониманию идеи «Другого» в человеческом обществе, развивающемся в условиях техногенной цивилизации. Зафиксировав позицию М. М. Бахтина, легко сделать шаг к обоснованию значения и функции «Другого», руководствуясь словами философа, утверждавшего, что отражение всех своих поступков человек напряженно подстерегает, ловит в сознании «Другого» [2].

Господство техники, постепенно вытесняющей живое, естественное, неизбежно распространяется и на души людей. Личность, еще недавно тесно связанная с природой, оказывавшей на нее нравственное, эстетическое, психологическое воздействия, создававшей с обществом материально-энергетический обмен, оказывается под влиянием техносферы. Трагичность этого процесса проявляется в подавлении и модифицировании личности, добровольно уступающей современным технологиям право определять новые контуры развития материальной и духовной жизни. В этом «отступлении» скрывается опасность утраты равновесия социокультурной системы, масштабные последствия которой труднопредсказуемы. Модель «Другого», возникающая в постмодернистском мире, на острие проблемы сохранения идентичности в условиях нарастания агрессивной экспансии техники, открывает возможность человеку взглянуть на себя глазами «Другого», сохраняя в себе человека. Вглядываясь в свой внутренний мир глазами «Другого», мы возвращаемся в себя самих.

В стремлении человека к «Другому», обретающего в этом движении самого себя вопреки условиям внешней среды, нам видится попытка преодоления абсурдности современного

мира, задыхающегося под тяжестью экспансии технической рациональности. Моделируя «Другого», человек находит в себе силы на бунт в безотчетном стремлении сохранить свое собственное «Я» в неудержимо изменяющемся мире [6]. Современный человек стремится не только к сохранению себя как личности, заставляя уважать в себе самого себя, он стремится сохранить себя таким, каков он есть, выбирая путь «Другого» – «бунтующего человека».

Список литературы

1. Степин В. С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // *Вопр. философии*. 1989. № 10. С. 3–18.
2. Бахтин М. М. *Эстетика словесного творчества*. М., 1979. 445 с.
3. Конец В. А. *Природа социального // Ничто и порядок. Самарские семинары по французской философии*. Самара, 2004. С. 28–33.
4. Устьянцев В. Б. *Жизненное пространство, человек, риски / под ред. проф. К. С. Пирогова*. 2-е изд., перераб. и доп. Саратов, 2012. 208 с.
5. Ленк Х. *Размышления о современной технике / пер. с нем.; под ред. В. С. Степина*. М., 1996. 183 с.
6. Камю А. *Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство / пер. с фр.* М., 1990. 415 с.

Idea of «The Other» in riskogenic society

A. A. Alebastrova

Saratov State University
Ulitsa Astrahanskaya, 83, 410012 Saratov, Russia
E-mail: alebastrova_70@mail.ru

The article is devoted to consideration of a problem of «The Other» in refraction of a social and philosophical view of a place and a role of the person in the conditions of development of the techno-genic civilization creating conditions of transformation of human society in «risk society». The author, noting inevitability of consideration of «The Other», addresses to the analysis of modern philosophical concepts. Opening a problem of preservation of human identity in the conditions of increase of aggressive expansion of equipment, the author comes to a conclusion that only creation of model of «The Other», allowing to look at itself eyes of «The Other», is the only opportunity to keep in itself the person in the conditions of construction of the world of a postmodern for mankind.

Key words: Other, technogenic civilization, society of risks, identity, postmodern, meaning of life, revolting person, riskogenic society.

References

1. Stepin V. S. *Nauchnoye poznanie i tsennosti tekhnogennoy tsivilizatsii* (Scientific knowledge and values of technogenic civilization). *Voprosy filosofii* (Issues of philosophy), 1989, no. 10, pp. 3–18.
2. Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* (Esthetics of verbal creativity). Moscow, 1979. 445 p.
3. Konev V. A. *Priroda sotsialnogo* (Nature of the social). *Nichto i poryadok. Samarskiye seminaru po frantsuzskoy filosofii* (Nothing and order. The Samara seminars on the French philosophy). Samara, 2004, pp. 28–33.
4. Ustyantsev V. B. *Zhiznennoye prostranstvo, chelovek, riski* (Vital space, person, risks). Saratov, 2012. 208 p.
5. Lenk H. *Philosophie im technologischen Zeitalter*. Stuttgart, 1970. 174 p. (Russ. ed.: Lenk H. *Razmyshleniya o sovremennoy tekhnike*. Moscow, 1996. 183 p.)
6. Camus A. *L'Homme révolté* (The Rebel). Paris, 1951. 384 p. (Russ. ed.: Kamyu A. *Buntuyushchiy chelovek*. Moscow, 1990. 415 p.)